

© 2004 г.

В.Э. БОЙКОВ

**ЦЕННОСТИ И ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
РОССИЯН**

БОЙКОВ Владимир Эрихович – доктор философских наук, профессор, директор социологического центра, заведующий кафедрой социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Массовое сознание в российском обществе в течение последних 15 лет существенно изменилось. Социологические опросы показывают, что оно в основном раскрепостилось от прежней идеологической табуированности, стало менее политизированным и вполне толерантным в оценках рыночной экономики. Наряду с этими изменениями в общественной психике следует обратить внимание на то, что в последние годы в ней прочно укоренилось чувство тревоги, ощущение угрозы наступающего будущего. Психологический стресс обусловлен многими обстоятельствами. Это и реальные трудности элементарного выживания, террористические акты и техногенные катастрофы, конфликты на этнической, религиозной и социально–бытовой почве, разгул преступности, наконец, субъективный

дискомфорт, обусловленный неопределенностью грядущего социально-экономического и политического устройства страны. Не случайно, если в период с 1990 г. по 1997 г. выражали желание эмигрировать из России в другую более благополучную и стабильную страну 10–12% опрошиваемого населения, то в течение последних 5 лет – около 20% [1].

Состояние массовой фрустрации иллюстрируется также данными выборочных социологических опросов различных категорий населения. Согласно опроса 2003 г. 73,2% – респондентов в той или иной степени испытывают страх в связи с тем, что их будущее может оказаться далеко не безоблачным; 74,6% – опасаются потерять все нажитое и еще 10,4% заявили, что им уже нечего терять; 81,7% – не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год; 67,4% – считают, что они совсем не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности, и 48,3% – чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% – полагают, что, если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее. Исследования показывают, что немалая доля населения (по разным данным 60–70%) пытается преодолеть трудности жизни, и порой безуспешно. Но, примерно, пятая часть опрошиваемых свыклась с невзгодами, не находят возможностей противостоять им.

Одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их *мимикрия*, то есть коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т.д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. Нередко это приспособление выражается в амбивалентности моральных воззрений – в несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности, с одной стороны, и реальным уровнем моральных требований к себе и окружающим -

с другой. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т.д. Например, две трети опрошенных респондентов, по данным исследования 2003 г., не видят ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов, более того, 36,7% – убеждены, что такого рода обман государства морально оправдан. При явно негативном отношении абсолютного большинства населения к сложившейся системе взяточничества, свыше половины опрошенных предпочитают откупаться от чиновников для разрешения возникающих проблем с властью. Накануне выборов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в декабре 2003 г. 46,1% опрошенных избирателей не верили в честность проведения выборной кампании, а 81,7% не вполне или совсем не верили в честность подсчета результатов голосования. При этом возможность ущемления права на политическое волеизъявление избирателей воспринимается как норма. Отмеченные и другие деформации индивидуальной и общественной морали, равно как и разгул преступности, стали постоянными спутниками нашей повседневной жизни.

Однако, наряду с синдромом привыкания к ним, рост аморальности и правового нигилизма вызывает у большинства населения всевозрастающее беспокойство. В этих деформациях люди резонно усматривают подрыв общечеловеческих принципов моральных взаимоотношений, который создает угрозу как их личному существованию, так и жизнеспособности социума в целом. Соответственно, на вопрос, что наиболее важно для преодоления кризиса российского общества, отметили наряду с другими действиями *необходимость укрепления морали* – в опросе 1998 г. 78,7% респондентов; в 1999 г. – 83,8; в 2002 г. – 90,4%. Эта устойчивая установка массового сознания органически связана с другой не менее стабильной установкой – *на наведение в стране порядка в целом*. Связь между ними

отчетливо демонстрирует как корреляционный анализ статистических результатов опросов, так и многие данные, показывающие причинную обусловленность указанной доминанты массового сознания.

Стремление большинства населения к моральному, правовому и социальному порядку является защитной реакцией общества на давно царящую хаотичность в государственном управлении, с одной стороны, и на административный произвол чиновников – с другой. При таком состоянии государственной машины невозможно не только формирование гражданского общества, но и более–менее приемлемое соблюдение элементарных прав личности – гражданских, социальных и экономических прав. Население и организации не имеют возможности получать от органов государственной власти и муниципального управления жизненно необходимые услуги, вынуждены приспосабливаться к непредсказуемым их действиям. Особенно острую отрицательную реакцию в обществе вызывают обременительные, малопродуктивные и непонятные для основной массы населения реформы в социальной сфере, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Говоря об установке россиян на наведение порядка в стране, следует обратить внимание на то, что в политической и научной публицистике ее наличие нередко трактуется не как стремление к гарантированной безопасности и равенству всех перед законом, а как ментальная предрасположенность российского народа к авторитарному типу политического режима, как его невосприимчивость ценностей демократии, проявление историко–культурной привычки к «сильной руке». Для обоснования этой точки зрения используются аргументы в виде экскурсов в историческое прошлое, а также социологические данные. Например, Ю. Левада пишет: «При всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок», порядок неизменно одерживал верх» [2]. Этот вывод иллюстрируется данными опроса ВЦИОМ, согласно которым

Доля населения, представляющего смысл и цели реформ

Виды реформ	% к числу опрошенных
Жилищно–коммунальная	22,2
Пенсионная	22,1
Образования	20,3
Военная	17,5
Судебно–правовая	14,1
Налоговая	13,7
Земельная	13,4

в 1995–1998 гг., восемь из каждых десяти респондентов согласились с вариантом ответа, что «прежде нужно добиться материального благополучия, а уже потом думать о демократии». Но корректно ли ставить опрашиваемых перед альтернативами: чему отдать предпочтение – витальным ценностям жизни, личной безопасности и благосостояния или, напротив, демократическим ценностям свободы слова и совести, гарантиям социальной справедливости и т.д.? Даже если постановка дилеммы связана с моделированием экспериментальной ситуации, едва ли полученную информацию можно однозначно расценивать как преобладание в российском обществе психологии крепостных, выражающейся в его априорной готовности к ущемлению гражданских прав и свобод, к ограничению инакомыслия, творческой деятельности и т.п. сугубо ради материального благополучия. Во–первых, нет полной ясности, что имели в виду респонденты, выразившие свое отношение к демократии. О чем речь – о ее идеалах и ценностях или их весьма слабом отражении сегодня в нашей реальной действительности. Во–вторых, если говорить об отношении к ценностям демократии как таковым, а не экстремальной ситуации выбора, предложенного респондентам, то, как обоснованно утверждает Н.И. Лапин, в современном российском обществе преобладает мнение об одинаковой важности демократии и безопасности. «Трудная задача, – акцентирует он внимание, – состоит в том, чтобы реально **совместить** их, создать такую демократию, которая обеспечивает не только свободу, но и безопасность. А не разделять их в качестве альтернативы» [3]. Представляется, что такая интерпретация социологических данных о *сочетании* отношения к либеральным и витальным ценностям в массовом сознании более адекватна реальности. Однако сегодня в массовом сознании налицо дисгармония между субъективным восприятием ценности порядка и ценности демократии. Тем не менее существующая рассогласованность вопреки диктату объективных обстоятельств жизни не приобрела форму их полного противопоставления в

сознании. Об этом, в частности, говорят такие данные опроса населения: считают необходимым наведение порядка в стране, но без мер чрезвычайного положения 64,2% респондентов; сторонников наведения порядка, если даже нужно будет при этом ограничить свободы личности – 30,9%; 4,9% – затруднились ответить.

О настрое на развитие демократических прав и свобод (их некоторыми плодами люди уже активно пользуются) свидетельствует то, что 85,5% респондентов убеждены в необходимости обеспечения свободы слова и печати, 83,7% – указали на важность участия граждан в принятии решений органов власти, 82% – являются сторонниками проведения свободных регулярных выборов и т.д. Эти и многие другие данные позволяют утверждать, что в современном массовом сознании достаточно органично сочетаются идеалы и ценности социального порядка, правовой и нравственной ответственности, рыночных преобразований, гражданских, политических и других свобод.

Вызывает сомнения и научная обоснованность утверждения по поводу тяги россиян к «сильной руке». Тот факт, что 90% опрошенных желают иметь во главе государства дееспособного лидера, вовсе не свидетельствует об их стремлении к сильной руке как самоцели. Скорее это желание представляет собой выражение надежд на такой порядок в государстве и обществе, который благоприятен для реализации общенациональных, социально–групповых и личных интересов. Высокое общественное доверие М. Горбачеву в первые годы перестройки, потом «молодому» Б. Ельцину выражало не ностальгию по «царю», а стремление общества к политическим свободам и экономическому процветанию, которые они до поры персонифицировали как лица, возглавляющие государство. Состояние сознания, связанного с признанием «царя» в виде поводыря народа, в определенной мере характеризует распределение ответов на вопрос, какие черты характера присущи русскому народу. Из числа опрошенного

населения веру в судьбу как черту характера назвали 68,8% респондентов, расчет «на авось» – 68,1%, веру в народ – 56%. Что касается веры в «царя», то ее отметили 37,7% опрошенных – немало, но и не большинство.

Оценивая процессы трансформации моральной системы российского общества, следует обратить внимание на то, что в ней сегодня обозначились две тенденции: 1) обновление компонентов нормативно–ценностной структуры; 2) заметное упрочение значимости ранее существовавших нравственных ценностей. Возможно, в отдаленной перспективе это выразится в становлении новой моральной системы, в преодолении несоответствия между моралью советского периода, прогрессивной по своей сущности и содержанию, но в функционировании которой имела место «двойная мораль» – разрыв между моральной установкой и практическим поведением и постсоветскими общественными отношениями, характеризующимися двойственностью, сосуществованием морали коллективизма, бытующего в сознании и поведении людей как «пережиток социализма», и усиленно культивируемым «новым порядком» индивидуализма.

Существенный интерес в этом плане представляют социологические данные, показывающие, как изменяются ценностные оценки условий достижения индивидами социального благополучия. Обратимся к результатам двух, в некоторой мере, сопоставимых опросов. Один из них проведен коллективом социологов (Афанасьева А.И., Тощенко Ж.Т. и др.) в 1987 г., другой – социологическим центром РАГС в декабре 2003 г., через 16 лет. Респондентам предлагалось определить, какие факторы социального ранжирования и деления людей на страты влияют на общественное положение и престиж человека. Выделим в данном случае только те взаимосвязанные признаки, которые традиционно используются в теории социальной стратификации, в том числе одним из ее родоначальников Т. Парсонсом [4].

Изменения в социально-экономических и политических отношениях, появление восходящего общественного слоя бизнесменов обусловили заметные подвижки в совокупности ценностных суждений тех факторов, которые влияют на социальное положение и престиж человека. Подчеркнем, что выделенные признаки взаимосвязаны. Тем не менее, в 1987 г. приоритет среди них отдавался личным качествам индивида, в том числе трудолюбию (отмечали 65% респондентов), чувству долга, ответственности (56,5%). В 2003 г. на передний план в социальном ранжировании выдвинулись факторы владения и доступа к власти. Причем в российской действительности обладание властью – это не только возможности обеспечить влияние в обществе и получить общественное признание, но и нередко возможность увеличения доходов.

Комментируя данные таблицы 2, следует отметить, что уменьшение доли ценностных оценок фактора личных достижений (в образовании, уровне квалификации и др.), вероятнее всего, обусловлено рассогласованием между этим фактором социального ранжирования и другим не менее важным признаком – уровнем доходов людей. Это рассогласование отметили 60,2% респондентов, в том числе подавляющее большинство из категории высококвалифицированных специалистов, гуманитарных и технических профессий.

Не меньший научный и практический интерес представляют координаты оценок социальной справедливости, которые с точки зрения морали предстают как осознание людьми общественно необходимого типа отношений. Основная масса опрошенных (до 80%) считает, что социальная справедливость должна выражаться в таких принципах, как наличие равных шансов на труд, образование, медицинское обслуживание, обеспечение соответствия доходов выполняемой (или ранее выполненной) работе. В рамках этих координат такое же количество опрошенных отмечают

Ценностные оценки возможностей обеспечения социального положения и престижа человека в обществе (в % к числу опрошенных по годам)

Факторы обеспечения социального положения и престижа	1987	2003
Владение материальными или другими ценностями	35,8	45,6
Связи с полезными людьми, блат (в опросе 1987 г.)	24,1	–
Доступ к рычагам власти (в опросе 2003 г.)	–	38,1
Социальное положение семьи, родственные связи	24,4	23,6
Личные достижения в образовании, профессиональной деятельности и др.	29,0	23,2
Авторитет, определяемый служебным положением	нет данных	21,2
Личные качества (привлекательность, ум, сила и др.)	58,5	16,0

недостаточную их реализацию в российском обществе в целом и применительно лично к себе.

Можно ли судить о такой позиции как о проявлении социальной ориентации на патернализм со стороны государства или даже как о выражении иждивенчества? Безусловно, многие люди хранят в памяти как норму возможности получения образования, медицинских и других социальных услуг, которые предоставлялись им в советский период бесплатно или за незначительную оплату. Хотя эти услуги назывались бесплатными, ясно, что их отработывали сами люди. История российского общества вообще не дает оснований для выводов, что народ, по выражению А. Твардовского в поэме «Василий Теркин», «дармовым добром кормлен». А массовое несогласие с тем, что российское общество в настоящее время оказалось отброшенным далеко назад в сравнении с цивилизованными странами в реализации принципов социальной справедливости, вполне соответствует реальности.

В ракурсе обсуждаемой проблемы примечательны такие факты. По данным опроса населения в 2003 г., 62,1% респондентов выразили мнение, что люди, имеющие силы, должны сами заботиться о своем благополучии и меньше рассчитывать на социальную помощь государства; 36,8% – заявили, что необходимы достаточно большие различия в доходах людей, иначе пропадают стимулы для личных достижений. Эти данные свидетельствуют о том, что люди постепенно привыкают к экономическому неравенству. Но подчеркнем, речь идет о неравенстве, связанном с различиями способностей, а не с незаконным присвоением собственности, результатов чужого труда.

Любое изменение моральных норм и ценностей происходит на основе моральной системы, которая регулировала взаимоотношения в обществе многие десятилетия или столетия. И даже, если устоявшиеся прежде нормы формально отвергаются, они латентно продолжают функционировать. Так,

например, в настоящее время колхозы сохранились в рудиментарном состоянии. Практически выродились прежние общественные организации, обеспечивавшие участие населения в коллективных формах самоуправления. В бизнесе, а также в средствах массовой информации, как уже отмечалось, культивируется индивидуализм. Тем не менее, 48,2% опрошенного населения считают коллективизм одной из ведущих норм регулирования взаимоотношений в обществе, 71% – считают нравственной ценностью быть нужными и полезными обществу.

Как показывают данные опросов, в ценностной структуре массового сознания идеалы социализма занимают достаточно видное место (табл. 3).

Большинство населения не отвергает социализм. Но к данным таблицы следует добавить следующее: сохранение статус-кво нашло поддержку среди 50% опрошенных предпринимателей; наибольшее количество сторонников социализма среди крестьян (68% респондентов) и рабочих (58%); за развитие капиталистической рыночной экономики отдали голоса 65,5% представителей малого и 75% – среднего бизнеса. Последние данные отражают социально-классовый аспект дифференциации нормативно-ценностных ориентаций. Любопытна и латентная связь, обнаруженная с помощью семантического дифференциала и кластерного анализа данных опроса. Капитализм ассоциируется в сознании многих людей с диктатурой и национализмом, а социализм – с демократией. Ценностной ориентации на социализм соответствует преобладание отрицательного отношения к продаже сельскохозяйственных земель в частную собственность (особенно иностранцам), предпочтение получать небольшой, но постоянный заработок и быть уверенным в завтрашнем дне и т.д. Среди сторонников социализма большинство опрошенных высказалось за развитие рыночной экономики, которая в их сознании не является антиподом социализму.

Итак, изложенные материалы показывают реальную возможность достижения в российском обществе ценностного согласия на основе

Отношение населения к перспективе развития российского общества (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Полностью и скорее согласны	Скорее не согласны и полностью против	Не ответили
Следовало бы развивать новые подходы к социалистическому обществу	58,4	40,9	0,7
Следует развивать капиталистическую рыночную экономику и соответствующее ей российское общество	40,7	58,8	0,5
Должно продолжаться, как до сих пор	30,6	68,9	0,5

нравственных, социальных, политических и других ценностей, которые разделяются основной массой населения. Речь идет не о новом наивном варианте претворения в жизнь идей «общественного договора», а заботе государства о практической реализации конституционных прав граждан (и одновременно универсальных ценностей) на жизнь, труд, охрану здоровья, личную безопасность, благосостояние, образование, на собственность, свободу слова и совести, на справедливость и личное достоинство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В статье использованы результаты опросов российского населения, осуществляемых на регулярной основе более 10 лет социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Опросы проводятся по сопоставимой методике и многоступенчатой квотной выборке объемом от 2000 до 2400 человек, репрезентирующей территориальное размещение россиян, соотношение жителей крупных, средних и малых городов, сел и поселков, основные социально-демографические группы в возрасте 18 лет и старше.
2. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000. С. 182.
3. *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России//Социол. исслед. 2003. № 6. С. 86.
4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. Изд. 2-е. М., 2002. С. 362–364.